

Купальня Забвения

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

С тех пор как его Величество отказался от гарема, во дворце произошло немало изменений. Одним из них стал ремонт старинной купальни, которая находилась в дальнем крыле дворца. Сонгцэн считал, что это место было их с Яшви, потому что отец и дед не проявляли к нему особого внимания.

В высоком павильоне с полупрозрачным куполом крыши находился бассейн, вымощенный мозаикой с изумрудным и бирюзовым орнаментом. Вокруг чаши самого бассейна были расставлены кадки с растениями, стоял чайный стол в окружении шелковых подушек, курились благовония. Днем хватало света от солнца, лучи которого пробивались через витражи купола, а вечером зажигали светильники и свечи.

- Пойдем, я хочу показать тебе одно место во дворце, которое недавно восстановили, - сказал Сонгцэн после того, как они с Яшви успели отдохнуть с дороги и разобрать вещи. – Я думаю, тебе там понравится.

Он сам видел купальню в нынешнем состоянии только мельком. В детстве бывало забирался в ту часть дворца, но она выглядела совсем иначе: воды в бассейне никогда не бывало, мозаика обветшала, и, казалось, все напрочь забыли об этом месте.

Яшви Садхир

Яшви не терпелось покинуть Монголию, но если поначалу ей стало легче, от понимания, что Шакалы остались позади, то воспоминания все равно тащились следом, и у нее не получалось от них избавиться. Яшви стала еще молчаливее, почти не шла на контакт и замкнулась в себе. Всю дорогу до Покхары она провела, погруженная в свои мысли, и если бы не хорошо обученный Ворон, пару раз свалилась бы с коня, потому что совершенно не следила за дорогой. Уже подъезжая к резиденции в окружении воинов клана кобр, Яшви даже начала задумываться о том, не уехать ли ей в горы по уже знакомому ей маршруту, на конце которого наверняка все еще оставалась маленькая каменная лачуга, в которой женщина из окрестных деревень пережидали чаупади. А ведь очень много месяцев прошло с тех пор, как Яшви перестала соблюдать эту жестокую традицию.

Она занялась вещами сразу же по приезду, как смыла с себя дорожную пыль и переоделась в сари, который носила всегда по приезду в Непал. У нее были еще и другие, нарядные, яркие, но ей нравился только этот, насыщенного винного цвета, потому что на нем почти не было вышивки. Вещей было немного, так что с этим управилась быстро. Яшви хотела уже отправиться в кабинет, чтобы провести остаток вечера за чтением учебников, но не успела.

- Что это за место? – спросила она у Сонгцэна. Она не хотела покидать их покоев, только здесь чувствуя себя в относительной безопасности. Резиденцию давно покинула большая часть наложниц и служанок, но Яшви помнила, что некоторые все

еще оставались.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Это место называется «Купальня забвения», - ответил Сонгцэн.

Он знал многое об истории своего рода, и того дворца, где он жил. Кобры построили его много веков назад, и с тех пор перестраивали и меняли, как менялось само время.

- Это старинный бассейн, ему лет двести. Там красиво. Я попросил принести туда закуски, и больше нас там не беспокоить, - сказал Сонгцэн.

Он переоделся в льняные брюки и длинную рубашку, в которых не очень чувствовалась дневная жара, и было удобнее, чем в халате. На зеленой ткани на плече серебром была вышита эмблема клана, как и на mnogой одежде, которую носил Сонгцэн. Он привык к этому с детства: форма Тигров, форма Кобр, форма Линь Ян Шо. Каждая из трех эмблем вызывала у него чувство гордости от принадлежности к кланам и монастырю. Но постепенно он просто привыкал к тому, что на одежде будут подобные вышивки. Сейчас он не думал о том, что он одет в рубашку с символом Кобр, он хотел, чтобы Яшви понравилось в купальне.

Яшви Садхир

Яшви никогда ни о чем подобном не слышала. И не предполагала, что резиденция клана такая старая, она совсем не выглядела таковой. Старость – это покосившиеся стены, растрескавшийся пол и прохудившаяся крыша. А еще старые половики на каменном полу, ветхое и тощее одеяло, покосившийся забор. В резиденции было светло, красиво и уютно, а от многочисленных мозаичных картин иногда даже рябило в глаза у Яшви, которая все еще никак не могла привыкнуть к подобному великолепию и чаще чувствовала себя здесь неуместной, чем принцессой.

- Почему он так называется? – она пока не знала, как относиться к приглашению Сонгцэна. Почему-то когда она думала о том, что они останутся наедине, у нее внутри все неприятно прихватывало и как-то обжигало, как будто она боялась этого момента. Они не были близки с того самого дня, как она уехала из Покхары в Тариат на шаманский сбор. Яшви понимала, что это будет продолжаться не бесконечно, но не чувствовала себя готовой.

Она даже подумала прикрыться плохим самочувствием, чтобы избежать этого посещения купален, но, как назло, у нее ничего не болело, а такой достаточно опытный врачеватель, как Сонгцэн, сразу заметит, что ее ничего не беспокоит. Да и обманывать его Яшви не хотела, как не могла и придумать причину, по которой им не следует сегодня смотреть «купальню забвения».

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн чувствовал, что Яшви относилась к его предложению настороженно. Он понимал, что происшествие с шакалом продолжало ей досаждать, и что пока она не могла избавиться от неприятных мыслей. Это была главная причина, по которой он хотел отвести девушку в купальни. И не для того, чтобы остаться с ней наедине. Как

маг Воды, он знал, как эта стихия могла помочь разобраться в собственных чувствах. Не сжечь, не забыть, как позволяло пламя, а справиться и пережить.

- Это долгая история, - ответил Сонгцэн. - Эту купальню построили для Парвати, любимой наложницы Лакшмана Садхира. Но купальней Забвения её стали звать при принцессе Камал, их внучке. Она была сестрой Асима Садхира, при котором Кобры многое потеряли из-за его жестокого нрава. Когда ей было двадцать лет, она побывала замужем уже трижды. Первых двух мужей пережила, а от третьего сбежала, спасая свою жизнь, - Сонгцэн хорошо знал историю своего рода, даже те её части, которые не красили его предков. – Асим хотел вернуть её мужу, чтобы не терять союзника, но в итоге договорились, что муж возьмет плату драгоценностями. Камал было решено отправить в гарем одного из друзей Асима. Ночью её едва успели вынуть из петли, а утром её новый хозяин был найден мертвым. Камал закрылась в этой купальне и пускала только пару служанок, которые приносили еду. Говорили, что она сошла с ума и стала похожа на дикого зверя. Но через полгода её стали снова видеть во дворце. Никто не знает, что произошло, но с этого момента Асим Садхир не принимал ни одного решения без её участия. Она взяла в руки оружие, стала воином клана, а потом и очень известным боевым командиром. И говорят, что в клане прежде никогда не было таких сильных магов Воды. Еще есть легенда, что Хариш Асим Садхир, следующий вождь клана, на самом деле был её сыном. Я думаю, что за те шесть месяцев она смогла понять магию Воды.

Яшви Садхир

Выслушав историю появления этих купален и связанную с ней легенду, Яшви сначала подумала, что Сонгцэн ее только что придумал. Слишком уж невероятной казалась жизнь одной из принцесс. Яшви знавала не так их много, но почему-то все они представлялись ей смиренными, как покойная Майя Тхакур – куда отправят, туда и идет. И непокорность принцессы Камал казалась почти фантастической, да еще и эта смерть ее первых двух мужей, а потом и нового хозяина... Она постаралась представить, что было бы ей самой, если бы с ней была связана нечто подобное. Скорее всего, стража дворца сломала бы дверь, и на этом познание магии Воды оказалось бы печально оконченным. Причем ее собственной кончиной.

- Почему они просто дверь не сломали? – спросила она, ведь это казалось ей самым логичным. – А ждали полгода, пока она сама выйдет?

Яшви забывала, что в легендах многое может быть приукрашено и искажено. Даже в истории накладываются отпечатки тех, кто ее рассказывает, ведь беспристрастным оставаться трудно, когда имеешь свое собственное отношение к какому-то чужому поступку. Так события начинают обрастать подробностями, которых на самом деле могло и не быть.

- И я не понимаю, - призналась Яшви. – Почему все же «забвения»?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Она принадлежала к королевскому роду, Асиму было выгодно, что сумасшедшая сестра сидит взаперти. Выгоднее, чем её убивать или держать на людях, - ответил Сонгцэн.

В отличие от Рысей, Кобры очень ценили кровь королевского рода. Опальных принцев и принцесс лишали денег, власти, возможностей, но практически никогда не лишали жизни. По крайней мере, не делали это открыто. Потому что тот, кто будет спасать свою жизнь бегством, имея права на трон, мог угрожать власти вождя.

- Я не знаю правильный ответ, - признался Сонгцэн. — Иногда говорят, что она забыла прошлые беды, чтобы стать сильнее. Но я уверен, что как раз о бедах и обидах она не забывала никогда. Может быть, она забыла о том, какой ей было положено быть, чтобы стать тем, кем она стать захотела.

Насколько он знал, Камал после этого не была замужем. Были разные слухи и легенды, которые, проступая под толстым слоем многовековой пыли, не оставляли надежды на их достоверность, как и возможности дать им опровержение. Сонгцэн понимал, откуда возникла легенда о том, что Хариш Садхир был её сыном – ему самому было приятнее считать, что он – потомок прославленной Камал, а не жестокого и трусливого Асима. Но никто из ныне живущих не держал свечу в покоях принцессы.

Яшви Садхир

Снова эта политика. Яшви посмотрела на себя в зеркало туалетного столика, который появился здесь после их свадьбы. Наверняка его делали на заказ королевской семье, как и всю мебель здесь. На взгляд Яшви, здесь было слишком много резного орнамента – выглядело роскошно, но слишком нагромождено. Мастер и правда знал свое дело, хоть Яшви предпочла бы что-то попроще, не такое вычурное. Она убрала вьющуюся прядь, что выпала из прически, за ухо.

- Ты думаешь, мне тоже нужно забыть о том, какой мне положено быть, чтобы стать кем-то другим? – частично ей все же это удалось сделать, но Яшви никогда не забывала, кто она. Как и тот день, когда она оказалась на рынке, была сначала продана, а потом куплена. И в последнее время воспоминания были ярче, чем раньше, хотя намного сильнее их перебивали события в деревне Шакалов. Яшви много думала о том, что кем бы ты ни хотел стать, то, кем ты был когда-то, останется с тобой навсегда. И что та покорная Яшви, которая не попыталась сбежать от беременной матери - а она смогла бы, если бы захотела – и та Яшви, что сейчас сидит перед зеркалом в королевских покоях и смотрит на свое отражение как на абсолютно чужого ей человека – это, в общем-то, одна и та же Яшви. Даже взгляд тот же самый, затравленный, недоверчивый, как будто она самой себе не доверяет. И боится.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн посмотрел на отражение Яшви в резном зеркале. Она сильнее загорела за то время, что они были в Монголии, и теперь её глаза казались еще ярче.

- Я считаю, что никто, кроме тебя, не знает, кем тебе стоит быть, – сказал Сонгцэн. — Но никакие убеждения и предрассудки не должны тебя сдерживать. Ты имеешь право добиваться того, что ты хочешь.

Это было легко на словах. Он был воспитан совсем в другой среде. Он привык к тому, что, несмотря на дисциплину в клане и в монастыре, ему было многое

позволено. Его воспитывали принцем, будущим правителем клана. А Яшви за короткое время столкнулась с кучей новых ролей, среди которых ей нужно было разобраться в том, что ей близко, а что дается труднее. Удган Тибетских лис. Принцесса Королевских кобр. Ей нужно было найти в себе опору, которая поможет ей в этих ролях править, а не служить. А шакал своим поступком её унизил, заставив мысленно вернуться в тот день, когда от неё отrekliсь её собственные родители.

- В купальне очень сильная энергия Воды, - добавил Сонгцэн. – Я думаю, что, если ты её почувствуешь, тебе будет проще разобраться в твоих чувствах и мыслях.

Яшви Садхир

- Я все еще ее не понимаю, - ответила Яшви, по-прежнему глядя на свое отражение, и она не была точно уверена, о ком именно говорит, о стихии или все-таки о той Яшви в отражении. – Как она может помочь мне разобраться, если я не понимаю ни ее, ни саму себя?

Несколько попыток разобраться в стихии закончилась весьма печально – Яшви только сильнее запутывалась. О том, чтобы ею управлять хоть как-то, не шло и речи – она не могла совладать даже с водой в чайной чашке, не говоря уж о чем-то более крупном. При том Сонгцэн продолжал твердить ей, что она понимает воду. Или просто хотел, чтобы так было. Иногда Яшви и правда казалось, что она понимает, но это ощущение быстро оборачивалось разочарованием обратного.

- Я не уверена, что знаю, кем мне стоит быть, - Яшви считала себя в большей мере шаманкой, чем принцессой. Эта роль была для нее более привычной, знакомой, в ведь способности проснулись в ней раньше, чем она стала принцессой. Она чувствовала себя комфортно в степи, среди остальных Лис, сейчас же не хотела даже думать о том, чтобы возвращаться в степь. Она не стала от этого шаманкой меньше, чем была до, но уже не чувствовала себя уместно. Как будто влезла в чужую одежду, которая ей велика и совершенно не подходит. Одного только получаса проведенного с Шакалом, хватило, чтобы напомнить Яшви о всем том, о чем она так старательно пыталась не думать все это время.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я стал изучать Воду после того, как понял Огонь. Она мудрая, она сама подскажет путь, - сказал Сонгцэн. – Пойдем, как минимум стоит попробовать.

Он не стал ничего брать с собой, потому что в купальне наверняка были подготовлены для них халаты и полотенца. Во дворце стало меньше тех, кто прислуживал, потому что теперь здесь не оставалось наложниц, но работа делалась даже лучше и быстрее. Потому что теперь служанки знали, что получают щедрое жалование за то, что все в порядке, и не отвлекались на интриги. К тому же им не приходилось обслуживать целый штат капризных девиц, не все из которых выполняли хоть какую-то работу.

- И в любом случае там красиво, - Сонгцэн улыбнулся.

Он отошел на пару шагов в сторону двери и стал дожидаться Яшви. Вода была странной стихией. У него ушло много времени на то, чтобы понять, что с ней не

нужно было спорить. Она соглашалась, и нужно было уступать ей. Тогда она учила, направляла и делилась своей мудростью. Она была хитрой. Она просачивалась по капле, находила любой путь к цели и оставалась незаметной столько, сколько нужно.

Яшви Садхир

Яшви все еще сомневалась, что посещать эти купальни сегодня было правильной идеей. Она могла бы просто сказать, что не хочет, но это было бы нечестно по отношению к Сонгцэну. Он старался ей помочь, чтобы она перестала заикливаться на своих воспоминаниях и смогла отпустить ситуацию, но любая мысль о том, что дело может дойти до чего-то более интимного, чем мимолетные прикосновения, которых Яшви все равно старалась избегать, заставляло у нее все внутри неприятно сжиматься.

Она любила воду, если только это не была ледяная вода для стирки, но она все еще чувствовала вину перед Сонгцэном, совершенно необъяснимую и нелогичную, и избегала скорее его, а не возможности посмотреть на купальни Забвения. Она бы с радостью делала вид, что ничего не произошло и ничего не происходит, а между ними ничего не поменялось, но была не настолько искусна в лисьей хитрости и притворстве, как ей хотелось бы.

Яшви еще немного помедлила, снова посмотрев на себя в зеркало. Она себя совсем не узнавала, и от этого было не по себе. Сейчас ощущения были те же, как и в первый день, когда она оказалась в резиденции, что ей не место здесь. Что ей вообще нигде не место.

- Хорошо, идем, - все же согласилась Яшви, поднимаясь с пуфа у туалетного столика и следуя за Сонгцэном.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн чувствовал, что Яшви относилась к нему настороженно. Ему не нужно было копаться в своих догадках слишком сильно, чтобы понять причину. С тех пор как на неё напал шакал, они не были близки. Она держала дистанцию, а он не настаивал, хотя для него это было непривычно. До этого они уделяли друг другу куда больше внимания, и Сонгцэн считал, что они достигли достаточного взаимопонимания в одной постели, чтобы этим наслаждаться. Но сейчас он чувствовал, что Яшви боялась.

Он повел её лабиринтом коридоров к той части замка, которая располагалась в глубине сада, и где редко бывали посетители. Купальни находились за высокими резными дверями из красного дерева, местами покрытого золотой краской. Там не чувствовался дневной зной, но было достаточно тепло, чтобы чувствовать себя комфортно. Когда они зашли, Сонгцэн закрыл дверь, хотя не стал её запирать – был уверен, что к ним не влезут. В воздухе пахло благовониями и распустившимися в кадках цветами. В стороне от большого бассейна был накрытый чайный стол, вокруг которого размещались шелковые подушки.

- Добро пожаловать, - сказал Сонгцэн.

Яшви Садхир

До купален идти было довольно далеко, и чем ближе они к ним подходили, тем пустыннее становились коридоры резиденции, потому что если до этого попадались служанки, которые продолжали уборку, то совсем скоро они с Сонгцэном остались наедине. Через полупрозрачный витражный купол проникало не так много света, отчего в купальнях царил легкий полумрак, а обилие мозаики поражало воображение. Вода в бассейне казалась какой-то даже циановой, ненастоящей, а там, где на воду падал свет через витраж, подсвечивалась фиолетовым, красным и оранжевым.

Несмотря на то, что почти все внимание Яшви было приковано к необычного цвета воде и мозаикам на стенах и в чаше бассейна, она заметила, как двери за ней закрылись, что было совершенно закономерно и ожидаемо, но все же испытала неприятное чувство паники, какое наверняка бывает у запертой в клетку птицы. Раньше запертые двери не вызывали в ней такого ощущения безвыходности. Она по-прежнему доверяла Сонгцэну, но ее нервировала обстановка, которая могла бы хотя бы теоретически напоминать о Монголии. Хотя в доме Шакала двери не были заперты, Яшви понимала, что она никуда не сможет убежать или спрятаться от него. Потому что она сама сделала тот выбор.

- Здесь красиво, - с трудом заставив себя думать о купальнях и мозаике, признала Яшви. Хотя благовония показались ей слишком приторными и сладкими, а еще здесь цвели розы, которые Яшви не любила и испытывала к ним даже какое-то отвращение. – Пусть уберут розы.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Он вышел за двери, которые оставил приоткрытыми, и вернулся лишь минут через пять – служанки усвоили, что не стоит стоять у него под дверью. Он предпочитал их искать, чем наткаться везде. Две девушки поспешили вынести горшки с розами.

Сонгцэн молчал, пока они сустились. Он подошел к краю бассейна, присел и коснулся ладонью воды. Она была достаточно теплой. Под ней мерцал мозаичный орнамент из мельчайших кусков слюды. Это был причудливый растительный узор, который притягивал взгляд через толщу воды.

- Чего ты боишься? – спросил Сонгцэн, когда они остались наедине, и служанка прикрыла тяжелые двери.

Он подошел немного ближе к Яшви, но остался на достаточном расстоянии, чтобы она не чувствовала опасности от него. Она казалась ему кошкой у кромки воды, хотя он прекрасно помнил те дни, что они выезжали на берег озера Фева и проводили время вместе. Тогда у Яшви не было этого страха. И он был уверен, что она чувствовала стихию Воды.

Яшви Садхир

Яшви не думала, что Сонгцэн прикажет убирать розы прямо сейчас, скорее она ожидала, что служанки займутся этим потом, в другое время, когда здесь никого не будет. Амрита однажды принесла свежие розы в комнату – по незнанию – и Яшви

безо всяких объяснений бросила их в огонь очага. Больше розы в ее покоях никогда не появлялись, но Яшви не могла сделать так, чтобы они навсегда прекратили появляться в саду и в других помещениях дворца. Наверняка это выглядело смешно – обижаться и ненавидеть цветы, но Яшви ничего не могла с собой поделать.

Она на какое-то время осталась одна, слушая, как где-то среди многочисленных растений в дальней части бассейна даже слышен фонтан. В любой другой момент она бы этим заинтересовалась и отправилась бы исследовать купальни самостоятельно, сейчас же осталась на месте, просто рассматривая многочисленные мозаики, от которых немного рябило в глазах. Они никогда не видела ничего подобного, и не врала, когда говорила, что это и правда красиво. Наверное, Лакшман Садхир действительно сильно любил свою наложницу Парвати, раз построил для нее это место. И вообще может ли любовь измеряться в строениях, возведенных для кого-то другого?

Сонгцэн вернулся, розы все-таки унесли. У Яшви снова возникло ощущение сосущей пустоты внутри, когда они вновь оказались наедине с Сонгцэном.

- Безвыходности, - прошептала Яшви. У нее дрожали руки, дрожал голос и вся она сдерживалась, чтобы не дать волю слезам.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн подошел на полшага ближе, но не стал касаться Яшви, потому что боялся, что это напугает её только сильнее. Он чувствовал, что ей больно и страшно, и он искренне хотел найти способ её от этого страха избавить.

- Здесь ты в безопасности, - сказал он. – Ты боишься того, что я что-то сделаю?

Они были наедине. Сюда не вломится никто из слуг или охраны, им хватило один раз увидеть его звериный облик. Да и некому было сейчас плести против Яшви интриги во дворце. Она спешила уехать из Монголии, но и здесь ей не становилось легче. И Сонгцэн видел, что ей самой больно и страшно быть в нынешнем положении. Будто она потеряла часть той себя, которую успела обрести.

Снова оказавшись беспомощной, она почувствовала, что вернулась в прошлое. И сейчас перед ним была знакомая ему Яшви Садхир, которой показали, что она снова может быть слабой. Сведя почти на нет все то, чего она успела добиться. Сонгцэн считал, что это несправедливо. И что ей нужно справиться с этим ощущением, чтобы избавиться от страха.

Яшви Садхир

Яшви пристально следила за тем, как Сонгцэн подходит еще ближе, и она заставила себя стоять на месте. Хотя они и не были близки все это время, и Яшви избегала близкого общения, они все равно продолжали жить в одном гэре и спать в одной постели. Яшви не ждала, что Сонгцэн что-то сделает, ей просто был неприятен сам факт чужих прикосновений. А еще в голове прочно застряло то, что она теперь какая-то грязная, мерзкая, порочная. Что она то, что должно вызывать у него отвращение, и, хотя она не видела в его словах, жестах или взглядах чего-то подобного, она не могла избавиться от чувства собственной отвратительности. И

когда вечерами он обнимал ее, когда они ложились спать, Яшви замирала и не двигалась до болей в спине, пока Сонгцэн не засыпал, и только после этого она могла отстраниться и лечь удобнее.

- Нет, не боюсь, - ответила Яшви. Ей очень хотелось отойти на полшага, а лучше сразу на шаг, назад. — Я боюсь, что это может сделать кто-то другой. Кто-то, кто сильнее. И у меня не будет выхода.

Поначалу она все свое время уделяла раненым после битвы, и ей было даже проще не думать о себе и справляться с тем опустошением и апатией, но когда все самые срочные дела были улажены, она как будто махом осознала произошедшее, и оно придавило ее своей тяжестью. С которой Яшви не могла никак справиться.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Ты можешь быть сильнее кого угодно, - ответил Сонгцэн, прямо глядя на Яшви. — Нельзя жить в страхе, это разрушает. Пойдем со мной.

Он подошел к краю бассейна и снял с себя рубашку, затем брюки. Сонгцэн сложил вещи на каменной плитке на самом берегу. Он понимал, что они могут намокнуть, но уже заметил, что возле подушек были сложены сухие халаты. Сонгцэн разделся полностью, затем нырнул в воду, выставив вперед руки.

В этой части бассейна было глубоко. Он открыл глаза, чтобы видеть, как отблески света отражались на похожей на чешую мозаике. Стихия позволяла ему надолго задерживать дыхание. Он проплыл вдоль дна бассейна, вытянув руки вперед и управляя своим телом так, как управляла бы рыба. Лишь через пару минут Сонгцэн вынырнул и вдохнул.

- Не обращай внимания на меня, почувствуй воду. Ей есть, что тебе сказать, - объяснил он.

Сонгцэну нравилось это ощущение от воды, скользившей вдоль его кожи с каждым движением. В Непале почти всегда было жарко, здесь вода дарила ощущение пролады, которое возвращало силы.

Яшви Садхир

Яшви осталась на месте. Ей казалось, что при всем желании ей помочь, Сонгцэн просто не понимает, что она чувствует и как сложно это побороть. Когда страх и отвращение к себе копятя в каждой клетке тела, заполняют с головой и не могут найти выхода, потому что мысли об этом непременно возвращаются, и когда кажется, что стало немного легче, потом обязательно становится снова хуже. Эти постоянные качели выматывают, и даже ночью ты не можешь отдохнуть, потому что реальность оборачивается кошмарами. Если бы Яшви только знала, что может ей помочь. Но она раз за разом пыталась отмыться в воде — и холодной и горячей, так что потом горела вся кожа, но ощущение собственной нечистоты ее не оставляло. Она вспомнила, как в деревне боялись, что она отравит воду.

Она деревянными руками развернула сари, длинная полоса шелка упала на плиточный пол прямо там, где Яшви стояла, но она не смогла заставить себя

избавиться ни от короткого топа, ни от длинной юбки. Яшви никогда не стеснялась своего тела, она просто не понимала, зачем это нужно. Но это было до того, как интерес к ее телу проявил командир Шакалов.

Сонгцэн уже погрузился в воду, а Яшви все стояла поодаль от бассейна, не решаясь приблизиться, и, так и не решившись, пошла вдоль его края в ту сторону, где шумел фонтан. Это был украшенный мозаикой неглубокий альков с чашей в виде большой морской раковины – вода, вырываясь из желоба в стене, стекала по хитроумному расположению каменных раковин поменьше, на дне которых Яшви заметила настоящие жемчужины. Вода здесь была прохладной и никак не соединялась с водой в бассейне, а сам фонтан прятался среди многочисленных кадок и клумб. Яшви присела на край большой раковины и опустила руку в воду. Она не знала, что хочет ей сказать вода, она не слышала ничего, кроме журчания, но и ей самой нечего было рассказать воде. Ведь воде не было никакого дела до того, что происходит в ее жизни.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн удивился, что Яшви отошла в сторону. Она отправилась к фонтану, который находился немного в стороне от бассейна. Это тоже была вода. Другая, более спокойная, менее сильная, но Яшви поступала так, как ей сейчас было легче. Она была шаманкой, у неё была сильная интуиция, которой стоило доверять. Он не пошел за ней. Решил подождать и оставить девушку наедине с её мыслями, чтобы она чувствовала себя в безопасности. Некоторое время Сонгцэн наблюдал за ней сквозь зеленые ветви, затем снова нырнул под воду.

Он считал, что сейчас мало чем мог помочь Яшви, ей нужно было сосредоточиться на ощущении от стихии, не отвлекаясь на то, что он рядом. Она сейчас чувствовала себя неловко, иначе избавилась бы не только от длинного сари. Сонгцэн надеялся, что она ему все равно доверяла. Он не давал ей поводов считать иначе. И в эти дни не проявлял никакой настойчивости, понимая, что ей не до него.

Он скользнул вдоль украшенного мозаикой дна, оттолкнулся от борта и снова ненадолго вынырнул подальше от Яшви, чтобы осмотреться и вдохнуть.

Яшви Садхир

Яшви нащупала на дне каменной раковины крупную жемчужину и вынула ее из воды. Она услышала плеск позади, но не стала оборачиваться, продолжая рассматривать жемчужину. Она была неровной, скорее овальной, чем круглой, но Яшви знала, что так можно понять, подлинная жемчужина или нет. Настоящее не бывает идеальным. Она небрежно выронила жемчужину обратно в раковину, глядя на воду. Здесь она уже не казалась бирюзовой, даже циановой – в бассейне такое впечатление создавалось из-за дна чаши, выложенной мельчайшими кусочками цветного стекла. Это была обычная проточная бесцветная вода.

Всегда, когда ей было плохо, она шла к воде. Уходила дальше от деревни, чтобы ее никто не видел, долго сидела на берегу реки, опустив ладони в воду, пока руки совсем не переставали ничего чувствовать, но после этого ей всегда становилось легче. И тогда, в Дадале, наутро она пошла к озеру возле деревни, стояла в ледяной воде, но, наверное, тогда в ней что-то надломилось. Ей не стало легче,

воде не удалось смыть все, что Яшви чувствовала, особенно чувство грязи и отвращения к самой себе. И сколько бы она ни пыталась – это ощущение все еще было с ней до сих пор. Никакая вода не могла это смыть. И Яшви не знала, сможет ли снова начать доверять другим людям, самой себе и воде.

Она вспомнила первые дни в монастыре, когда Сонгцэн рассказывал ей о ключах Воды. Что вода переживает каждый момент своего существования, запоминает, впитывает и позволяет чувствам быть. Какими бы они ни были, она их принимает такими, какие они есть. Но Яшви было сложно принять то, что она чувствовала, сложно принять этот момент, чтобы прожить его и отпустить навсегда, отправив дальше по течению в прошлое. Ей казалось, что каждый, кого она встречала в коридорах резиденции, знает, что произошло. Ей чудились то жалость, то отвращение, то презрение, то равнодушие в этих взглядах.

На край большой раковины упали две капли, сорвавшись с щек – и Яшви поспешно утерла влажные глаза, затем зачерпнула в сложенные ковшиком ладони воды из фонтана и умылась, смывая остатки слез.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн оставался в бассейне. Он заметил, как Яшви умылась. Задержал на ней взгляд, но не слишком долго, что она не расценила его внимание как излишнее. Он считал, что у каждого был свой путь постижения стихии Воды, и его вмешательство сейчас было бы лишним. Яшви могла почувствовать прошлое этого места, какую-то память, которую не ощущал он.

Для него главной здесь была Вода. Её было много, она давала силы, она позволяла не чувствовать свой вес и тяжесть своих мыслей. Он преодолел бассейн в несколько сильных гребков, затем снова нырнул под воду, которую просил о том, чтобы она помогла Яшви. Ей было виднее, как помочь девушке.

Лучи солнечного света, проходившие через полупрозрачную крышу, отражались на мозаике золотистыми чешуйками. Сонгцэн чувствовал, как вода забирала его усталость. Он теперь мог забыть о долгом пути из Монголии в Непал, расслабиться и раствориться в собственных ощущениях, если бы не мысли о том, насколько это все могла почувствовать Яшви. Он была магом воды, он в этом не сомневался. Он был уверен в этом куда больше, чем она сама.

Яшви Садхир

Яшви показалось, что вода немного отдает металлом, поэтому стряхнула остатки с ладоней. Если у нее и были какие-то крохи желания оказаться в этой воде целиком, сейчас оно пропало. Ничего не получалось, она не чувствовала ничего из того, что могла бы ощутить, оказавшись наедине с водой. Все равно, что пытаться убедить ее в том, что чучело тигра перед ней – это настоящий и живой зверь. Возможно, когда-нибудь позже она оценит всю прелесть этого великолепного сада, когда для этого будет более подходящее время. Она вернулась к бассейну и подобрала с пола сари, затем посмотрела на Сонгцэна.

- Я хочу вернуться в покои, - наконец сказала она. – Эта не та вода, которая мне сейчас нужна. Здесь очень красиво, но я не чувствую эту воду. Она не моя.

Эти купальни строились для наложниц и принцесс, а Яшви не была ни первой, ни в полной мере второй. Ей намного легче было представить любимую наложницу Парвати, раздетую в шелковые одежды и лениво возлежающую вон та тех атласных и наверняка очень мягких подушках или не мерее любимую принцессу Камал, из-за которой эти купальни начали так называться. Она не привыкла ко всему этому. Ее вода была там, снаружи, в горных ледяных реках, неистово ревущих и разбивающихся вдребезги о скалы, и огромных озерах, гладких, как полотно. Бедные принцессы, они должны были довольствоваться этими бассейнами, не зная на самом деле всего полного великолепия дикой необузданной стихии. Не той, которую заключили в слюду, стекло и камень, заставив копиться в берегах глубокой чаши в королевском дворце, и которую загнали в трубы, чтобы она изливалась по прихоти архитектора в искусственную раковину. Даже если на дне настоящий жемчуг, раковина не становится от этого более настоящей.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви вернулась. Сонгцэн вынырнул из бассейна и, облокотившись о каменный бортик, легко выбрался на каменный берег. Он подошел к полотенцам, наскоро вытерся, затем накинул халат из плотного зеленого шелка.

- Пойдем, - согласился он. – А потом поедem в другое место. Совсем другое.

Он сжал руку в кулак, позволяя воде с волос и его тела собраться в большой плотный шар, который вскоре отправился в бассейн.

- Только там вода ледяная. И ехать туда неудобно, - предупредил он.

Это озеро он видел несколько раз во время марш-бросков. Не самые приятные воспоминания. Оно находилось высоко в горах, дорогу к нему нужно было знать, и не всякая лошадь могла туда добраться, не переломав ноги. Но Сонгцэн почувствовал, что для Яшви это место могло значить больше, чем украшенная мозаикой старинная купальня.

- Велим готовить коней? – уточнил он.

Яшви Садхир

Сложно сказать, на что Яшви надеялась. Что Сонгцэн останется здесь, потому что не было никакой необходимости ему всегда за ней следом таскаться, или что наоборот, он все же вернется в покои вместе с ней. Без его присутствия Яшви чувствовала себя тревожно, постоянно оглядываясь и опасаясь даже собственной тени, но и с ним рядом не становилось намного легче. Ей тогда начиналось казаться, что она не оправдывает какие-то его надежды, ведь он ждет, что она сможет переступить через случившееся и справиться со своими воспоминаниями.

Она не отвела взгляда, пока принц одевался, но была больше занята тем, что снова повязывала сари, тщательно пряча свое тело. Даже не столько от Сонгцэна, сколько от самой себя, словно чувствовала себя не в своем теле, ей не принадлежащим.

- Завтра, - ответила она. Было бы глупо ехать прямо сейчас, когда уже опускался

вечер. — Кони устали, и скоро стемнеет.

Они только сегодня вернулись, лошади еще не успели отдохнуть после перехода. Можно бы было взять других, свежих, но Яшви сейчас слишком цеплялась за то, что у нее все еще было, что у нее не отняли, чтобы соглашаться на другого коня. Она как будто пыталась найти опору под ногами, которой ее лишили.

- И я хочу принять горячую ванну, - добавила она. Горячую настолько, чтобы едва могло вытерпеть тело. Может быть так ей будет легче.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Как скажешь, - согласился Сонгцэн.

Его затея не удалась. Это место было подходящим для одной принцессы Кобр, но не подходило для другой. Он расправил халат.

- Надеюсь, что завтрашнее место тебе подойдет больше, - сказал Сонгцэн.

Он считал, что лучше было бы отправить кого-то из женщин, но Джаи Лакшми не было в клане, Аша Прия не была сильным магом Воды, а никого другого он вспомнить не смог.

- Если считаешь, что я буду тебе мешать, я могу отправить с тобой служанку, которая знает дорогу, - предложил Сонгцэн.

Среди них сильных магов не было, но были те, кто знал окрестности и умел держаться в седле. Этого было достаточно на первое время. Сонгцэн чувствовал, что сегодня Яшви мешало его присутствие.

Яшви Садхир

Яшви чувствовала, что Сонгцэн разочарован или даже расстроен тем, что она не оценила эти купальни так, как он на это надеялся. Но она не умела притворяться и изображать бурную радость тогда, когда ее не ощущала. Здесь было красиво, она не отрицала этого, что она просто не подходила этому месту и потому чувствовала себя здесь чужой.

- Я не говорила, что ты мне мешаешь, - сказала она, раскладывая на плече конец сари, который оставался свободным и свисал почти до самого пола. - И мне не нужны служанки.

Она уже не ждала, что Сонгцэн ее поймет, ей было достаточно того, что он хотел помочь, но, как и она, не знал, как именно это сделать. Но сейчас она хотела вернуться обратно в их комнаты и набрать полную ванну нестерпимо горячей воды. Здесь она все же была прохладной, пригодной для того, чтобы отдыхать и наслаждаться ею. Яшви же сейчас была далека от наслаждений, она надеялась, что то, чего она была лишена в Монголии - просто возможности принять горячую ванну - поможет ей разобраться в себе. Или хотя бы ненадолго притупит ощущение собственной запятнанности.

Она плохо умела говорить о том, что чувствует. Что рядом с ним ей все же лучше, чем без него, просто сейчас она не понимает саму себя и совершенно запуталась. Но, ощутив это разочарование Сонгцэна, она вдруг почувствовала и облегчение тоже. Наказание, которое она ожидала.
